

Журнал, 1987, 21-22 декабрь

Выпуск 395-й

Вот уж истинно предновогодняя, «рождественская» гостья! Она и Снежинка, и Золушка, и Спящая красавица, и Фея, и Аврора, и Муза. То, что она создает, — подлинное торжество искусства, поэтическая элегия, радостная игра жизни.

Мировая критика с первых же ее выступлений за рубежом восторгалась ее сказочной легкостью и обаянием: «баби Большого театра», «маленький эльф, вдохновенный чудесами, которые совершает, способный растопить самые черствые сердца». Затем всеобщее признание снижали ее виртуозное мастерство, артистизм, глубина проникновения в образы...

Итак, сегодня у нас на 13-й странице — народная артистка СССР, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, премии Ленинского комсомола Екатерина Сергеевна МАКСИМОВА.

— Скажите, Екатерина Сергеевна, есть в балете нечто такое, чего вы не можете сделать?

— О, да очень многое! Есть и спектакли, и роли, которые я не могу считать своими, поэтому за них и не бралась. Кроме того, при любой самой блестящей школе «физика» определяет пределы возможностей. У одних балерин больше шаг, у других выше и дальше прыжок; эта лучше делает пируэты («вертятся», как мы говорим), та обладает большей природной гибкостью. Мои возможности далеко не беспредельны.

— А есть в балете что-то, для вас неприемлемое?

— Для меня балет — искусство, а оно невозможно без эмоций. Мы искренне восхищаемся мастерством лидеров художественной гимнастики, где немало элементов балета, и все же это «только» спорт. Вы спросили, что неприемлемо для меня в балете. Не страдать и не ликовать, не испытывать мук, надежд и восторгов, а лишь тщательно исполнять «жете», «атиуд», «субресо» (технические приемы). Всегда помню слова моей учительницы Елизаветы Павловны Гердт об одной очень техничной балерине: «В ней есть все, но чего-то нет».

— В фильмах «Галатея», «Старое танго», «Фуэте» мы видели ваше лицо, ваши глаза — вы сильная драматическая актриса. Это пришло со временем, с опытом?

— Я понимаю, из зала не видны глаза балерины, ее мимика. Но, поверьте, я в фильмах делала все то, что старалась делать в каждом балетном спектакле.

— Что же в таком случае для вас эти фильмы?

— Большое счастье, выпавшее мне на долю. Хотя в письмах от зрителей встречаются сердитые упреки: «Как могли вы, классическая балерина, героиня балетов Чайковского, опуститься до такого варьете?»

— Не согласен. По-моему, в этих фильмах утвердился новый жанр.

— Таково мнение многих. Я не шла совершать открытия, отважилась на эти съемки ради поиска. Всегда хочется сделать что-то новое! Не было никаких гарантий, что получится; только риск. И Брянец был тогда начинающим хореографом... Знаю, далеко не все вышло у нас в этих фильмах, потому и не могу смотреть их без досады. Вообще у меня в жизни не все получилось, но я не боялась ошибаться. На-

деюсь, все поиски, ошибки, неудачи были не напрасны. Все вместе это и есть творчество. И все же что-то новое возникло, что ни говорите.

— Безусловно! «Фуэте», например, хочется смотреть и смотреть. А «Старое танго»!.. Знаете, готовясь к встрече с вами, я перечитывал искусствоведческие и биографические книги о вас и с удовольствием отметил некоторые моменты. Например, что в детстве вы намеревались стать поливальщицей улиц или кондуктором трамвая. Что во втором классе хореографического училища, выйдя впервые на сцену Большого в «Лакме», в роли девочки-нищенки, которой бросают монетку, вы стали искать эту монетку, откатившуюся к рампе, и не ушли на второй план, пока не отыскали...

— И что в училище я считалась непослушной, неприлежной.

— И это тоже. Потом вспомнил одну телепередачу — разговор о балете за круглым столом, и то, как вам был открыт разговор о балете за круглым столом, и то, как вам был открыт разговор о балете за круглым столом, и то, как вам был открыт разговор о балете за круглым столом...

— Конечно, я люблю и капустники, и первоапрельские обманы. Но знаете, редки стали в театре капустники. Все решают серьезные вопросы. Очень практично относятся к жизни: «На это стоит тратить время, а на это не стоит». И уходит нечто такое, чего нельзя потрогать, к чему не подойдешь с потребительской меркой. Да... А ведь неизвестно, что лучше: любить или быть любимым. Получать или отдавать. То есть, извест-

сплошные столкновения. Он недоумевает вслух: «Ты танцевала это с Хорхе Доном (или с Марисом Линой) и не говорила ему, что тебе неудобно!» Но, уж наверное, к Васильеву я предъявляю повышенные требования: во-первых, он муж, а во-вторых, я убеждена, что он способен на большее.

— А Екатерине Максимовой что предъявляете?

— Мало она сделала! Что-то зависело от самой, многое — от других. Не нужно было ждать, нужно быть активной. За последние несколько лет сделала больше, чем в молодости. Раньше казалось — все еще впе-

тельности, жизни интересует вас глубоко, по-настоящему?

— Станный вопрос. Конечно, интересует. Все происходящее! Не могу сказать, что меня так уж тянет взбираться на Эверест, опускаться в недра земли или глубины океана. Средняя полоса России, ее леса — вот мои любимые места, где освобождаешься душой от всего наносного, суетного, праздного... Но в жизни вокруг столько сложностей, насущных вопросов, проблем, дел! И нужно всем вместе их решать. Чтобы людям жилось лучше, легче. Очень нужна перестройка, нужны перемены, и не на словах, а на деле.

Но балет — не чертеж, его могут восстановить лишь специалисты-очевидцы, передав «из рук в руки, из ног — в ноги»; сейчас это еще возможно, но еще десяток лет — и будет поздно. Что оставим мы новому поколению артистов Большого Балета, поколению безусловно одаренному, если даже многие нынешние звезды не знакомы с творчеством корифеев, имена которых я только что перечислила?

А как обедняет и наших актеров, и зрителей то, что на нашей сцене нет балетов, к примеру, Баланчина, Кранко, Бежара, Ролана Пти! Как полезно и интересно работать с разными мастерами, пробовать себя в разных манерах и стилях!.. И еще: десятилетиями складывалась «традиция»: Большой театр критиковать не принято, нельзя. А почему нельзя? Вот ответы на ваш вопрос. Поймите, в этих ответах — боль. И не только личная моя боль!

— Может, не к месту, но хотел спросить и о «личной боли». В одном вашем интервью запомнил фразу: «Не помню случая, чтобы у меня перед спектаклем что-нибудь не болело — рука ли, нога, спина...». Чем это вызвано?

— Васильев говорит: «На нервной почве (смеется)... Нагрузки, даже перегрузки мышц на репетициях, работа у станка — вот и травмы».

— Екатерина Сергеевна, еще «технологический» вопрос (только не гневайтесь на мое невежество): движение в балете — скажем, фуэте или другой прием — это какой-либо символ? Допустим, существуют движения, обозначающие страх, или восторг, или сомнение?

— Нет. Ноты же ничего не обозначают. Нельзя считать, что «ля» — символ радости, а «до» — огорчения. Однако из семи нот складываются великие произведения. Так и в балете: всего несколько позиций, движений и приемов, но из них создается зрелище, которое вызывает радость и печаль, бесконечную гамму чувств... Известно простейшее движение: арабеск. Но как отличается арабеск Улановой от арабеска Семеновской, от арабеска Плисецкой...

— И еще вопрос, тоже трюфельный: в фильме «Фуэте» балерина, просыпаясь, сгоняет лежавшую у нее в ногах собаку, ризеншнауцера. Это ваша?

— (С улыбкой). Нет, ее привел на съемки дрессировщик. Очень серьезный был пес, порода-то грозная, все участники съемок его сторонились. А я не боялась, очень люблю собак, а они тонко чувствуют, кто как к ним относится. У нас дома много лет была овчарка.

— Сугубо личный вопрос. Кто у вас в семье главный — вы или Владимир Викторович?

— Он главный! (Трудно передать, сколько самых разных смысловых оттенков вобрала в себя эта короткая реплика).

— А вы?

— А я... Я — как все жены. Нужно убирать квартиру. Нужно готовить. Конечно, помогает мама, но меня это от забот по дому не освобождает. Кстати, перед Новым годом их заметно прибавилось.

— Как встречаете Новый год?

— Уже много лет собирается круг близких друзей, которые стали для нас просто родными. Елка, праздничный стол.

— Вы поете? У вас такой милый голос. Явное контральто.

— (Скептически). «Пою». Это страшные звуки.

— Не раз бывало, что спектакль с вашим участием приходился на вечер 31 декабря, и когда вы с Васильевым выходили кланяться, зрители преподносили вам миниатюрные елочки, украшенные маленькими игрушками и горящими лампочками. Что делали вы с этими елочками?

— Приносили домой, я ставила их на видное место. И после новогодних праздников сохраняла на память. Они все до сих пор хранятся — как добрые знаки внимания зрителей, ради которых мы и работаем.

Гостью расспросил Эдуард ЦЕРКОВЕР. Фото В. Малышева.

Екатерина Максимова

но, на каждому по-своему.

— Вы объездили почти всю нашу страну и полмира, познали триумф, вами восхищаются зрители чуть ли не всей планеты; и вот — такой минор.

— Мне знакомы и минуты отчаяния. Когда думаешь, что надо все это бросить. Compliments, самые лестные эпитеты приятны, но это преходящее. Мне незнакомо ощущение, будто я всего достигла; его и быть не может. Чаще — опустошенность после спектакля, острое недо-вольство собой. Неуверенность перед каждой новой работой. К моему счастью, рядом оказываются люди, которые больше верят в меня, чем я сама в себя верю. И убеждают, заставляют брать за дело. Вот, Васильев говорит: «Ты всегда сначала заявляешь: «Не смогу», а потом делаешь».

— Ну, поскольку вы с Владимиром Викторовичем недавно отметили серебряную свадьбу, надо думать, он за четверть века вас изучил. «Делаешь» — значит, делаете!

— Это он — чтобы подбодрить. Как балетмейстеру я никак не могу ему угодить. «Не то, не то, не то!..» Суров.

— Творческие жены тоже, как правило, не сахар. Небось, пишите супруга почему зря?

— Пилю. И за то, что он сам делает на сцене, и за то, что ставит. Наши репетиции —

реди, успею. Теперь понимаю: ждать некогда.

Сказывалась нерешительность во всем, что касается лично меня. Не умею «пробивать», «доставать» что-либо для себя. Когда вижу надпись: «Служебный вход» или «Посторонним вход воспрещен», поворачиваюсь и ухожу. Как войти туда, куда тебе не полагается входить? Допустим, войду. Спросят: «Что угодно?» Сказать: «Я — Максимова!» и услышать в ответ: «Ну и что?»

Мы, актеры, — подневольные люди. Нам говорят: вот сценарий, вот балетмейстер, будешь сниматься в «Фуэте»? Они, авторы, задумали, и они решают. Но об их задумке и решениях в конце-то концов судят по актеру! Сознание этого еще внушает мне некоторый оптимизм. Точнее, ощущение некоторой собственной полезности.

— С чем сейчас — конкретно — связано это ощущение?

— Только что вернулись из турне по Аргентине и Италии. Сейчас много репетиций — предстоит спектакли и в Большом, и в Московском театре классического балета. Снимаюсь в новом музыкальном фильме. Начинается сессия в ГИТИСе, где я преподаю и, соответственно, принимаю экзамены.

— Кроме балета, вообще искусства, какая-либо сфера дея-

— А как, по-вашему, может перестройка отразиться на жизни Большого театра?

— Большой театр — мой дом, с ним все связано. И он — Большой, он эталон того, как и что должно быть в нашем деле. Во всем мире нас называют: Большой Балет. В свое время, впервые показавшись миру, он поразил всех, у него стали учиться. Такой балетной труппы, как у Большого, нет больше нигде — ни по качеству, ни по количеству. Мы — сборная страны. Собираем к себе лучших из других трупп. Значит, и спрос с нас — огромный. И хочется, чтобы у нас всегда был Большой Балет.

Но далеко не все спектакли сегодня отвечают понятию Большой Балет. В репертуаре должны быть и русская классика, и советская, и мировая, и произведения современной мировой культуры. А у нас сейчас очень мало классических спектаклей. Исчезли со сцены Большого театра творения Лавровского, Голейзовского, Чабукяни, Захарова, Вайнонена, блестящей плеяды балетмейстеров, создавших «Ромео и Джульетту», «Бахчисарайский фонтан» и многие другие шедевры советской классики. Было время, не берегли у нас исторические здания; теперь их восстанавливают — по фотографиям, рисункам, чертежам.